

Со своей колокольни

Живет среди нас поэт. Ходит в магазины, стоит в очередях, считает деньги, покупает на базаре картошку. До того, как стать писателем, много лет проработал на заводе. На вид такой же, как все. Но в душе его рождаются стихи. Он мыслит образами, играет ритмами, позванивает рифмой. Переплавляет житейские впечатления и всколыхнувшие его чувства в упругие, летящие поэтические строки. В них судьба поэта и, должно быть, частица судьбы каждого из нас, читателей. Вот и тянемся мы к стихам и испытываем благодарность к поэту.

Валерий Алексеев – наш земляк, ангарчанин, автор книг «Закон движения», «Паводок», «Станция Свеча», «Еще не вечер», «Созвездие Стрельца». Публиковался в журналах «Знамя», «Молодая гвардия», «Сибирские огни», «Сибирь», в альманахе «Кубань», в поэтических сборниках библиотеки «Комсомольской правды», в сборнике «Родник», изданном в Москве по итогам всесоюзного поэтического конкурса, в сборниках Иркутского издательства «Уходил на войну сибиряк», «Черты созидания», в «антологии сибирской поэзии», в «литературной России» и «Комсомольской правде»... Он частый гость на страницах нашей газеты.

Год 1992-1. Новое, большое событие в жизни поэта и нас, его читателей: в престижной серии Восточно-Сибирского книжного издательства «сибирская лира» вышла книга В. Алексеева «Баллада о колокольне». Это избранное из многих книг поэта и новые, свежие стихи, подоспевшие к этому часу.

Сегодня ангарский поэт Валерий Алексеев отвечает на вопросы нашего корреспондента.

Моя колокольня стоит на высоком холме,
В сияние радуг она как невеста на выданье.
С ее высоты открывается Родина мне
И всю мою жизнь до мельчайших подробностей видно.
... В любую погоду для друга распахивал дверь,
Преград не страшился, маршрут презирая окольный.
Зато я имею законное право теперь
На мир и события смотреть со своей колокольни.

- Валерий Анатольевич, говорят, поэтом надо родиться. Как Вы стали поэтом? Когда ощутили себя поэтом?

- Генрих Гейне говорил: для того, чтобы стать поэтом, надо сильно и страстно любить или быть глубоко несчастным человеком. Я испытывал и то, и другое: и сильную любовь, и несчастий на мою долю тоже хватило.

Писать начал со школьных лет. Иной раз вместо сочинений по литературе писал стихи. Жил тогда на Урале. В газете «Орский рабочий» в 1939 году впервые были опубликованы мои стихи.

Большое внимание оказал на меня дядя Евгений Бабичев, поэт. Он печатался в оренбургском журнале «Степные огни», вместе мы публиковались в «Орском рабочем».

Писал я всю жизнь: и будучи студентом, и во время войны, и после войны, и в «местах, не столь отдаленных». Печатался в ангарской городской газете «Знамя коммунизма», в «Советской молодежи» и «Восточно-Сибирской правде». Все это было, конечно, далеко от истинной поэзии. Но мы – местные стихотворцы – считали себя чуть ли не Есениными и Блоками, но на самом деле таковыми не были.

Решающий момент в моей творческой биографии – приезд в 1955 году в Ангарск иркутского поэта Марка Сергеева. Он выступал со стихами и был повивальной бабкой нашего литературного объединения. Я пришел к нему в гостиницу «Саяны», принес буквально рюкзак со стихами, написанными за последние 15 лет. Мы с ним просидели до четырех часов утра. Читал я ему, сколько душе было угодно. И получил резюме: никакая это не поэзия, надо начинать все сначала и работать в поэзии по-серьезному, то есть профессионально. Для меня это было как удар грома. Было обидно слышать и слушать такое, поскольку чуть ли не 20 лет я писал, печатался – и вдруг такой результат. Но надо было эту горькую пилюлю проглотить. Переживал я это очень болезненно. Но с той поры и началась серьезная, профессиональная работа.

Вторым решающим фактором явилась иркутская областная конференция «Молодость, творчество, современность» 1959 года. Секцией поэзии руководили московский поэт Валентин Глущенко и иркутянин Марк Сергеев. Помню, Иннокентий Новокрещенных привез на конференцию «три тома» стихов – три пухлых скоросшивателя. Его обсуждали и так яростно критиковали, что от трех томов осталось только две строчки:

«Мы сами были первой рожью
Целинно-поднятых полей».

После такого «мордобоя» я снял свою рукопись с обсуждения. Но эта конференция была для нас хорошей школой. Она проводилась в ту пору через каждые два года.

В 1961 году состоялась новая конференция. Секцией поэзии руководил уже известный московский поэт Марк Соболев и талантливый поэт Володя Корнилов, только что издавший свою первую книгу. Я выступил с рукописью «Слово о новом городе», был удостоен диплома и рекомендован к

изданию. Когда же я пришел с этой рукописью к М. Сергееву, он мне сказал по-чапаевски: «на эту рукопись надо плюнуть и забыть. Надо написать новую книгу». И дал мне срок – месяц.

«это невозможно», - говорю. «Ерунда, - отвечает он. – Профессионал должен уметь. Вон Франц Таурин за месяц написал роман «Гремящий порог». Пойми, ведь за твоими плечами не месяц, а вся жизнь».

Так появилась на свет моя первая книга «Закон движения», которая вышла в иркутском книжном издательстве в 1962 году. Книга получила положительный отклик в Иркутске, Москве. В столичном журнале появилась рецензия критика Раисы Короленко, где среди нескольких примечательных имен упоминался и я.

Затем я уехал из Ангарска в Братск, на строительство лесопромышленного комплекса и алюминиевого завода. Там наш трест «Востокэнергомонтаж» вел монтажные работы. Я оторвался от иркутской писательской организации, что не могло отрицательно не сказаться на моей творческой работе. И новая книга стихов «Паводок» вышла только в 1970 году, после моего возвращения в Ангарск. Книгу эту надо считать серьезной творческой неудачей. Были зубодробительная рецензия Е. Раппопорта в «Восточно-Сибирской правде»; «Глубины и мели «Паводка» А. Кобенкова в «Знаменке».

Потребовалось 11 лет для того, чтобы написать и издать новую книгу «станция Свеча», по которой я был принят в 1982 году в Союз писателей. Я поныне считаю ее самой удачной своей книгой.

Дальше дела пошли веселее. «Еще не вечер» - 1984 год. «Созвездие Стрельца», книга новых стихов – 1989 год.

«Баллада о колокольне» издана, можно сказать, к моему юбилею, который состоится в январе 1993 года.

Поэт, в святом своем радении

За парту шибко не держись.

Не изучают в академии

Науку под названьем Жизнь!

- В стихотворении «Запоздалая благодарность» Вы говорите спасибо тогдашнему директору Литературного института Ф.В. Гладкову за то, что Вас не приняли в это учебное заведение. Эти стихи – одномоментный порыв или они выражают Ваше твердое убеждение, что институт – не место для обучения искусству поэзии?

- Это сложный вопрос. Там ведь готовили Лебедевых-Кумачей. Я же в те годы исповедовал символизм, считал, что русская поэзия закончилась на Александре Блоке, советских поэтов не читал и только, находясь уже на

Крайнем Севере, случайно открыл для себя великолепного поэта Ярослава Смелякова, а уже здесь, в Ангарске, Марк Сергеев заставил меня изучить досконально всю советскую поэзию, начиная с 1917 года. Так для меня открылись имена Заболоцкого, Яшина, Павла Васильева, Бориса Корнилова, позже – Рубцова, Прасолова, Ушакова и многих других поэтов.

Кроме того, в детстве я дружил с детьми репрессированных, был не согласен со многими делами, творившимися в стране, близко наблюдал жизнь московской «элиты» т простых смертных. Взглядами своими с юношеским запалом я делился с друзьями, за то, в конце концов, жестоко поплатился десятью годами жизни и карьерой будущего дипломата, к какой готовился, будучи студентом Московского института международных отношений.

Когда ты рухнешь наземь не дыша,
То смерть твоя похитит только тело...
Душа бессмертна, ежели душа
Еще при жизни воплотилась в дело.

- Поэзия – главное дело Вашей жизни?

- Поэзию я считал и считаю делом всей моей жизни. она буквально спасла меня в тяжелейший период моей жизни, спасает и сейчас, несмотря на всю мерзость нынешней обстановки. А то, что я должен был сочетать поэзию с работой на производстве, - это во все времена было жестокой необходимостью, так как прожить стихами нельзя. Если разбить гонорар, полученный за изданную книгу, на количество лет, потребных для ее написания, то получится 70 копеек на день. Судите сами, можно ли прожить на такой нищенский гонорар.

Да и сейчас у нас, в Иркутской писательской организации, все писатели, за исключением, может быть, только Распутина, испытывают постоянную острую нужду и вынуждены где-то работать или подрабатывать для того, чтобы не умереть с голоду.

Моя работа на производстве давала мне твердый кусок хлеба, независимость, а это немаловажно в нашей жизни. я уже не говорю о том, что работа на производстве, общение с людьми дают подлинные знания жизни, что для любого писателя имеет первостепенное значение. Писатель же, оторвавшийся от жизни, вынужден в своем творчестве пускаться на всякие выдумки и придумки, а ложь и Поэзия – несовместимы!

И я б хотел писать о Вечном,
Но кто напишет о земном?!

- Это Ваше кредо?

- Да, я считаю, что писать о земном надо. Поэт не имеет права стоять в стороне от событий, кипящих за окном его кабинета. Конечно, хорошо бы в творчестве следовать Арсению Тарковскому, который, как известно, вообще газет не читал. Для меня это немыслимо, так как политикой я увлекался с детства, был лектором-международником в Москве, не случайно, видимо, оказался и в Институте международных отношений, готовя себя к дипломатическому поприщу. Страсть эта не утихла во мне до сих пор. Однако пора подумать и о Вечном. Сейчас я по совету моих друзей приступил к работе над новой книгой лирических стихов, условно названной мной «Свиданье с вербой».

Немой восторг меня охватывал,
Когда, даруя слову власть,
Со стула медленно Ахматова,
Как будто с трона, поднялась.

- Есть ли у Вас поэтические привязанности, может быть, кумиры?

- Представители истинной поэзии всех времен и народов – вот мои кумиры, начиная с Аристотеля с Горацием до Пастернака с Заболоцким. Нельзя, профессионально работая в поэзии, не знать Блока и Киплинга, Гумилева и Бодлера, Марину Цветаеву и Гарсиа Лорку, Юрия Левитанского и Пабло Неруду.

Перечень этот можно продолжать без конца, потому что и нынешняя поэзия немыслима без имен Н. Рубцова, А. Яшина, Вл. Соколова, Д. Самойлова, Н. Тряпкина, Б. Чичибабина, Вл. Корнилова и многих-многих других талантливых поэтов.

Не подведи меня, сердце,
Не подведи!..

Жизнь на излете,
А главная песня не спета.

- Что, главное действительно не спето?

- Поэт всю жизнь мечтает написать главную песню, но сам он не знает, какая песня станет главной. Это время определит. Вот и я мечтаю. А может быть, она уже состоялась, может, это «Домик в Малаховке» или «Станция Свеча», или «Баллада о колокольне»... Но хочется верить, что главная песня еще впереди.

Я понял: стоит жить стихами,
Когда стихи диктует жизнь.

- Расскажите, как родилось у Вас какое-нибудь памятное стихотворение.

- Однажды, глубокой промозглой осенью, возвращаясь из Пицунды в Ангарск поездом «Москва-Иркутск», я вышел на перрон и на фронтоне здания станции прочитал: «СВЕЧА». Название это поразило меня, как удар молнии. Я понял: это же стихи!..

В самом названии станции сокрыта бездна поэзии, хотя вокруг на вид не было ничего примечательного. Тут и там стояли ларьки со скудными харчами. Грязный, заплыванный перрон с неубранным мусором возле урн. Но высоко в небо тянулись тополя с грачиными гнездами. Сразу же вспомнилась картина Саврасова «Грачи прилетели», хотя на дворе стояла не весна, а осень.

Я записал несколько пришедших в голову строк в блокнот, а потом уже, приехав в Ангарск, написал стихотворение «Станция Свеча». Вот как оно выглядело в первоначальном виде:

В косынке броской,
В платье ситцевом,
С подносом в худенькой руке,
Входило утро к нам в купе –
Молоденькою проводницею.
Я на нее глядел внимательно...
И вдруг, из-за ее плеча,
В окне, как в фильме зажигательном,
Возникла станция Свеча.
На вид в ней ничего прекрасного:
В киосках скудные харчи,
Но, словно на холсте Саврасова,
Кричали весело грачи.
Стары, как вирши Тредьяковского,
Они летели предо мной
Из микромира третьяковского
В простор до гнездышка родной.

Когда я показал стихи Марку Сергееву, он сказал: «Серенькие стихи. Ничего особенного. Так, пусячок. Эта «Свеча» должна осветить человеческую душу, осветить всю свою жизнь... Я не знаю, как ты это сделаешь, но ты должен написать энергичные, сильные и смелые стихи».

Я, разумеется, обиделся, но через несколько лет вернулся к этим стихам и переписал их, а вернее – написал заново. Эти стихи и дали название будущей книге. Однако все эти годы меня не устраивала этакая беззубая концовка в стихах:

Метались года,

Как пылинки в горячем луче,
Я рад был любому,
На память пришедшему мигу,
Как будто себя самого
Я читал при свече,
Но грянул рассвет
И из рук моих выхватил книгу.

Но только через 10 лет, готовя юбилейную книгу, я вновь вернулся к этим стихам и нашел нужную концовку. Вот окончательный вариант «Свечи»:

В промозглую осень летит
Транссибирский экспресс,
По стеклам продрогшим
Потоки бегут дождевые,
Охваченный дрожью,
Качается северный лес,
И тычутся в окна лучи,
Как котята слепые.
В купе пассажиры,
Умаявшись за день, храпят.
А я, подчиняясь осенней,
Непрошенной теме,
Гляжу, как за окнами
Мокрые листья кипят,
И, будто в туннель, мы летим
В непроглядную темень.
Качается поезд,
По гулким мостам грохоча,
Не спится деревьям
Под всхлипы осеннего ливня.
Вдруг мрак, точно враг,
Отшатнулся от окон пугливо
И вспыхнула станция с ярким
Названьем Свеча.
Над всей магистралью горела,
Как факел, она,
Под ночью холодной,
Лучами на части разбитой,
И всю мою жизнь осветила

До самого дна,
До самой мельчайшей
Подробности, мной позабытой.
И вспомнилось мне:
Я лежу на зеленой траве
И в небо гляжу голубое
С улыбкой бесцельной.
В шинели солдатской
Иду по военной Москве,
С последним патроном
К своим пробираюсь
Под Ельней.
На Севере Крайнем
То строю дома, то мосты,
Братаюсь с якутом,
Люблю варкутинских девчонок.
На холмик на мамин
Кладу полевые цветы
И плачу ночами,
Как малый бездомный ребенок.
Забыть и поныне
Не в силах я эту беду,
Рокочут колеса,
И тучи плывут к Ярославлю...
Приехав на родину,
В старую церковь иду
И в память о маме
Свечу поминальную ставлю.

- Спасибо, Валерий Анатольевич, за беседу. От имени читателей
желаем Вам вдохновенной работы, новых книг и – обязательно спеть свою
главную песню.

Беседовал с поэтом Л. Беспрозванный
Алексеев, В.

Время. – 1992. – 21 октября (№191). – С.1,3.

